

Л. Г. Ионин

ДРАМА

ЖИЗНИ

МАКСА

ВЕБЕРА

[Издательский дом ЦЕЛО]

Леонид Григорьевич Ионин

Драма жизни Макса Вебера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68050886

Драма жизни Макса Вебера: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; М.;

2022

ISBN 978-5-85006-408-2

Аннотация

Макса Вебера социологи давно и безоговорочно причисляют к классикам своей науки. Издано большое число его биографий. В настоящей книге главное внимание уделяется не анализу его теоретического наследия, а его личности. На протяжении последнего столетия Макс Вебер рассматривался как проповедник рационализма в теории и этического идеала героической аскезы, а его собственная жизнь считалась чуть ли не воплощением этого идеала. Новые исследования показали, что Макс Вебер был живым, страдающим, мятущимся человеком и его жизнь определялась не только разумом, но и страстями. Автор анализирует жизнь героя во всем богатстве ее проявлений – от политических взглядов и стремлений до глубинных психологических механизмов, диктующих часто неожиданные и не поддающиеся рациональному объяснению решения и поступки.

Автор книги – социолог, профессор Высшей школы экономики в Москве.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Действующие лица	6
Глава 1. Молодой профессор	8
Начало биографии	9
Молодой профессор	12
Женитьба	18
Появление Эльзы	36
Поиски будущего	43
Глава 2. Гейдельберг и «отцеубийство»	51
Переезд в Гейдельберг	52
Ссора с отцом	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Леонид Григорьевич Ионин

Драма жизни Макса Вебера

© Л.Г. Ионин, 2022

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022

Действующие лица

Макс Вебер (1864–1920) – социолог, университетский профессор и независимый ученый, автор трудов по социологии, истории, экономике и праву

Марианна Вебер, урожд. Шнитгер (1870–1954) – общественный и политический деятель, писательница, жена Макса Вебера

Елена Вебер, урожд. Фалленштайн (1844–1919) – мать Макса Вебера

Макс Вебер-старший (1836–1897) – отец Макса Вебера, городской советник в Эрфурте, потом в Берлине, депутат рейхстага

Альфред Вебер (1868–1958) – выдающийся социолог и экономист, брат Макса Вебера, спутник жизни Эльзы Яффе

Эльза Яффе, урожд. фон Рихтхофен (1874–1973) – студентка Макса Вебера, жена Эдгара Яффе, возлюбленная Отто Гросса, спутница жизни Альфреда Вебера, тайная возлюбленная Макса Вебера

Эдгар Яффе (1866–1921) – муж Эльзы Яффе, предприниматель и финансист, владелец «Архива социальной науки и социальной политики», министр финансов Баварской республики

Фрида Лоуренс, она же Фрида Уикли, урожд. фон Рихтхофен (1879–1956) – сестра Эльзы Яффе, жена профессора

Уикли из Ноттингема, возлюбленная Отто Гросса, жена писателя Дэвида Лоуренса

Отто Гросс (1877–1920) – психоаналитик, анархист, трибун сексуальной революции, муж Фриды Шлофер, возлюбленный Эльзы Яффе и ее сестры Фриды

Фрида Гросс, урожд. Шлофер (1876–1950) – жена Отто Гросса, университетская подруга Марианны Вебер и Эльзы Яффе

Мина Тоблер (1880–1967) – швейцарская пианистка, возлюбленная Макса Вебера

Ученые, политики, поэты, философы, газетчики, предприниматели, военные, психоаналитики, революционеры и лица прочих профессий и сословий.

Глава 1. Молодой профессор

*Начало биографии – Молодой профессор – Женитьба –
Появление Эльзы – Поиск будущего*

Начало биографии

УДИВИТЕЛЬНЫМ образом все или почти все главные действующие лица, перечисленные выше, сопровождают сознательную как научную, так и личную жизнь Макса Вебера практически с самого ее начала вплоть до ее безвременного конца. Постараюсь это сейчас показать.

Но нужны несколько слов о начальном периоде жизни героя. Максимилиан Карл Эмиль Вебер родился 21 апреля 1864 г. в Эрфурте, Тюрингия. Мать Елена (Хелене) – из старинного рода Фалленштайн, происходившего из Тюрингии и давшего многих, в том числе и достаточно известных гражданских чиновников и военных, отец – Макс Вебер-старший, достаточно влиятельный бюрократ, городской советник (магистрат) – сначала в Эрфурте, потом в Берлине, впоследствии депутат прусского ландтага и общегерманского рейхстага. Он из рода знаменитых вестфальских текстильных фабрикантов. В живописном маленьком городке Эрлингхаузен под Билефельдом стоит и по сию пору солидный трехэтажный дом в стиле ампира с буквами по фасаду CAWECO, что означает *Carl Weber Co.* Подробнее об отце и матери мы еще поговорим в дальнейшем.

В гимназии Макс Вебер учился в Берлине, куда переехали его родители, когда отец получил там должность городского советника. Родители приобрели дом, названный «Вил-

ла Елена», в берлинском районе Шарлоттенбург. Тогда Шарлоттенбург был еще пригородом Берлина. Шарлоттенбургский дом будет далее не раз появляться в нашем рассказе. До наших дней вилла Елена не сохранилась, на доме, который стоит на ее месте сегодня, укреплена памятная доска в честь Макса Вебера.

Из примечательных событий детства Вебера нужно выделить одно печальное, которое, скорее всего, сыграло впоследствии важную роль в его персональной истории, а точнее в истории его роковой болезни. Это менингит, который ребенок перенес в возрасте четырех-пяти лет. В те времена это была очень опасная болезнь, которая, если ребенок не умирал – а обычно именно это и происходило, ребенок умирал, – вызывала очень тяжелые последствия.

В 1882 г. Вебер записался на первый курс юридического факультета университета в Гейдельберге, продолжил обучение в Гёттингене, снова в Гейдельберге, затем в Берлине, где жил в доме родителей в Шарлоттенбурге. После университета он сдал государственный экзамен на должность референдария, дающую право на занятие судебных должностей, и стал сотрудничать в Берлинской судебной палате, ведя одновременно научно-исследовательскую работу. Появление в печати его статей дало ему вскоре основания претендовать сначала на должность экстраординарного (то есть не получающего государственного обеспечения) профессора торгового и немецкого права на юридическом факультете Берлин-

ского университета, а затем меньше чем через год – на должность ординарного профессора национал-экономии в университете Фрайбурга, которую он и получил в 1894 г., причем произошло это буквально на третий день после его тридцатилетия.

А годом раньше Макс Вебер женился на Марианне Шнитгер, своей двоюродной племяннице, внучке упомянутого выше вестфальского текстильного фабриканта Карла Вебера, в родовом гнезде которого – маленьком вестфальском городке Эрлингхаузен – и состоялись помолвка и венчание. Оба эти события – ординариат и женитьба – заслуживают, разумеется, каждое по отдельности особого рассмотрения.

Молодой профессор

Итак, в тридцатилетнем возрасте Макс Вебер уже вполне состоявшаяся личность – ординарный профессор национал-экономики и финансовой науки в достаточно известном, хотя и находящемся по рейтингу где-то на среднем уровне университете южногерманского Фрайбурга. Кроме того, прекрасный оратор, чья инаугурационная речь при получении профессорской мантии во Фрайбурге сделала его известным гораздо шире, чем в рамках факультета или даже университета, специалист, имеющий учеников, в конце концов, солидный женатый человек. И все это, повторим, в тридцать лет.

Всегда – и случай Вебера не исключение – у многих современников возникает вопрос, чем объясняется такой ранний и такой блестящий старт. Были особенности, которые в некотором смысле предопределили специфичность этой развертывающейся карьеры и жизни. Во-первых, необычайная работоспособность и невероятная преданность своему делу, то есть академической науке. Круг его профессиональных обязанностей и интересов был крайне широк. Например, список предложенных им занятий на летний семестр в Берлине в 1894 г. поражает: «Торговое право и морское право», «История торгового и морского права», Практикум по торговому праву, «Прусская правовая история», «Аграр-

ное право и аграрная история», «Страховое право и система страхования» (ДК, 188) (Сокращенные ссылки в скобках здесь и ниже раскрываются в списке сокращений в конце книги (с. 374)). Здесь не упоминаются, конечно, другие обязанности в университете, а также временные побочные работы в других учебных и научных организациях. Во-вторых, еще одна сторона дела, о которой обычно не упоминают в парадных биографиях. Это покровительство высокопоставленной персоны, а именно министериал-директора Фридриха Альтхофа, ведавшего университетами в прусском министерстве культов. Тогдашняя организация науки и вузов в Германии так и называлась «система Альтхофа», а самого Альтхофа именовали Бисмарком немецких университетов. На должность экстраординарного профессора в Берлине Вебер был не приглашен самим факультетом, а практически назначен через посредство факультета самим Альтхофом, который рассчитывал оставить его в прусской столице, но по стечению обстоятельств способствовал его переходу на ординарную профессию во Фрайбурге. Вдова Вебера Марианна в изданной впервые в 1926 г. биографии своего мужа так описывает сотрудничество Альтхофа с Вебером: «Альтхоф очень интересовался способным доцентом, хотел удержать его в Пруссии в качестве преемника знаменитого Гольдшмидта, но не знал, согласится ли берлинский факультет предложить такого молодого ученого в качестве преемника старого человека высокого научного ранга. Поэтому он

попробовал в надежде на человеческие слабости жонглировать и привязать Вебера разного рода обещаниями к Пруссии. Он сообщил также баденскому референту (Фрайбург находился не в Королевстве Пруссия, а в Великом герцогстве Баден. – Л.И.), что Вебер рассчитывает на великолепную юридическую карьеру и использует Фрайбург только как трамплин. Вебер же ответил ему, что никогда не стал бы навязываться берлинскому или какому-либо другому факультету, на что Альтхоф сказал: „Этот Вебер афиширует в личных делах преувеличенную деликатность“. Когда Альтхоф, встретив отца Вебера, заговорил с ним как с одним из референтов по делам бюджета на эту тему, отец и сын взволновались, очевидно, потому, что предположили в этом попытку какой-то махинации. Когда баденский министр народного просвещения обратился к Альтхофу за сведениями о Вебере и сообщил, что необычное предложение факультета вызывает известные сомнения, Альтхоф показал Веберу конфиденциальное письмо с замечанием: „Я бы не принял должность в земле, министр просвещения которой столь отчетливо выражает *animus non possidendi*“» (МВ, 177). Для ученого человека в Германии того времени язык римского права был почти что родным языком. А в римском праве *animus possidendi* или «желание владеть» считалось одним из необходимых составляющих права собственности, соответственно, *animus non possidendi* надо было понимать как нежелание владеть. То есть Альтхоф вел двойную игру, показывая Вебе-

ру, что, хотя сам он, Альтхоф, и рекомендовал Вебера Фрайбургскому университету, баденское министерство не очень-то хочет его там видеть. Но, как рассказывает Марианна в своих мемуарах, Вебер не поддался на уловки и сказал, что если Альтхоф прямо не требует, чтобы он остался в Берлине, то он предпочел бы оставить за собой право свободного решения. Тогда Альтхоф предъявил Веберу письменное обещание предложить его кандидатуру берлинскому факультету, никак не связывая этим доцента. Вебер согласился. Но открыв дома конверт, продолжает Марианна, «он заметил добавление, в котором было сказано, что он обязан отказываться от любой предложенной ему должности. Его немедленное возражение было отправлено обратной почтой, где он указал, что добавление основано на ошибке; более ранняя же датировка письма создавала впечатление, что оно было составлено до возражения Вебера. <...> Это и другие события утвердили в нем впечатление, что для этого значительного человека, как и для Бисмарка, каждое средство хорошо, если оно ведет к цели, что он для этого пользуется также зависимостью и моральной слабостью людей, чтобы затем их презирать. Такого рода шахматная игра с характерами – пусть даже она объективно служит очень значимым целям – в глазах Вебера презренна, и он не прощает ее» (МВ, 178).

Само это негодование Марианны и изображенное ею негодование высокоморального молодого ученого стало, возможно, запоздалой попыткой опровергнуть слухи о непотист-

ских связях, обеспечивших начало веберовской карьеры. Возможно, слухи были небеспочвенными. Биограф Вебера Йоахим Радкау пишет: «Отцовские связи, возможно, сыграли свою роль на старте карьеры <...> Отношения отца с все- сильным министериал-директором Альтхофом <...> также явно имели значение, если Вебер, не достигнув еще тридца- ти и не имея известности, авансом попал в число кандидатов на профессорские должности» (R, 109). Об отце Вебера у нас будет повод подробно поговорить ниже; пока достаточно заметить, что в берлинской и прусской иерархии Макс Ве- бер-старший стоял достаточно высоко, чтобы достойно гово- рить с Альтхофом. Сам Вебер в дальнейшем жестко крити- ковал систему Альтхофа и не всегда справедливо. Это мож- но считать своего рода психологическим «переносом», ко- гда неизжитые враждебные отношения с отцом делали зави- симость от него невыносимой, а поскольку моменты зависи- мости были связаны с Альтхофом, на Альтхофе и его систе- ме вымещаются дурные эмоции. Хотя, конечно, в этой кри- тике были содержательные моменты: речь шла о демократи- зации системы образования путем предоставления бóльших прав факультетам. Но в целом приведенное выше описание Марианны нельзя считать совершенно искренним. А если оно искренне, то все еще неприятнее. Другой биограф Ве- бера Дирк Кеслер оценивает это так: уверенность Вебера в том, что он сумел избежать патерналистской хватки могу- щественного Альтхофа, говорит «либо о его огромном су-

веренитете, либо о его достойной быть отмеченной неблагодарности, либо о грандиозной переоценке им собственной значимости» (DK, 394). Скорее всего, задействованы были вместе все три психологических механизма самооправдания и самовозвеличения. Но, так или иначе, итогом берлинского этапа карьеры стало приглашение принять профессиуру в университете Фрайбурга и переезд молодых супругов Макса и Марианны Вебер во Фрайбург осенью 1894 г.

Женитьба

Каждый, кто пишет о Вебере, не может не упомянуть о весьма необычных особенностях его брака. Прежде всего о практически полном отсутствии в этом союзе мужчины и женщины романтической составляющей. Любят цитировать письмо Макса Марианне, в котором он предлагает ей, как принято говорить, руку и сердце (хотя о сердце тут нужно еще подумать) и описывает, как они вдвоем будут идти по жизни. Марианна Вебер почти полностью воспроизводит это письмо в своих воспоминаниях (МВ, 158–161). Само письмо достойно внимательного прочтения, потому что оно объясняет очень многое как в духовной и душевной конституции самого Вебера, так и в его последующей биографии. Прочтя его, понимаешь, что признание в любви здесь начисто отсутствует. Молодой человек не говорит девушке, что не может жить без нее и вопреки всем возможным сложностям просит стать его женой. Вовсе наоборот: он решается просить ее стать его женой, *если* (и если это условие реализуется, то *именно потому, что*) в случае ее согласия они не причинят этим душевных травм *третьим лицам*. То есть это не романтический, не эротический и даже не материалистически расчетливый, а *этический* выбор. Но представим себе, как юная (впрочем, ей уже 23 года) Марианна, дрожа от волнения, открывает письмо.

Прочти это письмо, Марианна, когда ты будешь спокойна и способна владеть собой, ибо я скажу тебе то, услышать что ты, быть может, не готова. Ты думаешь, полагаю, что между нами все кончено, и я укажу тебе на тихую, прохладную гавань резиньяции, в которой я сам уже несколько лет пребывал. Но это не так. Прежде всего одно: если мы как-то друг друга понимаем, то мне не надо тебе говорить, что я никогда не посмею предложить мою руку девушке как свободный дар, — только в том случае, если я сам нахожусь под божественным принуждением полной безусловной отдачи, я могу и со своей стороны ее требовать и принять. Это чтобы ты в последующем не поняла бы меня неправильно...

Остается только гадать, почему Марианна должна думать, что между ним и ею все кончено. Возможно, виной тому предшествующая этому письму переписка и даже свидание Вебера с Эмми Баумгартен (об этом чуть позже), можно также предположить, что уже было какое-то объяснение, разочаровавшее девушку. Косвенный свет бросает упоминание о «гавани резиньяции», на которую мог бы указать ей Вебер. Резиньяция — это, скорее всего, отказ от чувственных радостей; об этом Марианна как раз пишет в воспоминаниях, показывая, как чужд Вебер этой стороне жизни. Она считает, что в этом проявляется материнское воспитание. В Страсбурге во время одногодичной военной службы у него, мол, были товарищи, «удовлетворяющие свою

чувственность в безответственных и бессердечных формах». «Но мать... только святой чистотой своей сущности принесла (в душу Макса. – *Л.И.*) нерушимые препятствия требованиям инстинкта. Ее сын противостоял примеру других: лучше терзаться демоническими искушениями духа, грубыми требованиями плоти, чем отдавать дань физической потребности» (МВ, 86). Замечу в скобках: странно читать об этом у Марианны, которая знает, что именно «демоны», искушающие дух, и «грубые требования плоти» в дальнейшей жизни чуть было не отняли у ее мужа способность полноценного человеческого существования (но об этом в третьей главе, которая называется «Страшная болезнь».) Ну и, наконец, почему он не может предложить свою руку девушке как «свободный дар»? Об этом судить достаточно легко: потому что этот дар не свободен, он отягощен рядом этических требований, в дальнейшем тексте письма его автор это детально разъясняет.

Теперь слушай. Я знаю тебя, ты можешь сама это сказать себе после нескольких дней, так как ты во многом – это я теперь понимаю – была для меня загадкой. Ты же меня не знаешь, иначе быть не могло. Ты не видишь, как я мучительно и с меняющимся успехом пытаюсь обуздать страсти, которые природа заложила в меня; но спроси мою мать; я знаю, что ее любовь ко мне, которая смыкает мне уста, потому, что я не могу ей отплатить за нее, коренится в том, что я в моральном отношении всегда был предметом

ее постоянных забот. В течение многих лет я никогда не думал, что сердце молодой девушки может принять мою трезвую сущность, поэтому я был слеп и в моем отношении к тебе так же верил в свое мнение. Когда я заметил чувство моего друга к тебе и мне показалось, что ты на него отвечаешь, я не мог понять, почему все вновь и вновь меня охватывало смутное чувство как будто бы грусти, когда я смотрел на тебя и думал, что увижу тебя идущей жизненным путем с ним или с другим. Я счел это эгоистическим ощущением того, кто завидует чужому счастью и подавляет это чувство. Но это было нечто другое. Ты знаешь, что это было. Мои уста не смеют произнести это слово, ибо я несу двойную вину перед прошлым и не знаю, смогу ли ее искупить. Ты знаешь о ней, но, несмотря на это, я должен об этом сказать. Сначала события последних тяжких дней. Более тяжелый удар, чем ты теперь способна оценить, мы оба, но только по моей вине, нанесли счастью жизни моего друга. Его чистый образ стоит между нами. Он знает об этом моем письме тебе, он мужествен и честен. Однако не знаю, придет ли время и когда, чтобы он мог спокойно и без чувства утраты, живо разделяя твое чувство, посмотреть тебе в глаза, видя, как ты появляешься перед ним с другим. Пока это не свершится, я не могу строить счастье своей жизни на его отречении. Ибо тень прошлого легла бы на чувство, которое я мог бы предложить женщине, идущей со мной.

«Двойная вина перед прошлым» и «события последних

тяжких дней» имеют свои имена – Эмми Баумгартен и Пауль Гере. Сначала о последних тяжких днях. Пауль Гере – близкий друг Макса Вебера, молодой евангелический пастор, углубленно занимавшийся рабочим вопросом, позже покинувший церковь и ставший социал-демократическим политиком. По разным социальным вопросам он тесно сотрудничал с Вебером. Получилось так, что именно в эти дни, ставшие судьбоносными для Марианны и Макса, не подозревавший о том, что скрывается за внешним спокойствием его близких друзей, Гере решил, что именно Марианну он хочет видеть спутницей своей жизни, и сделал ей формальное предложение руки и сердца. Марианна этого почти не заметила, ибо в ее душе разгоралось чувство к Максусу. Макс же именно в это время переживал свою произошедшую много лет назад, ни во что не вылившуюся, но до сих пор не разорванную помолвку с Эмми Баумгартен, причем именно Эмми, а не приبلудную Марианну видела женой Макса его религиозная и высокоморальная мать Елена. Приبلудную, конечно, не в смысле незаконнорожденная или рожденная вне брака, что в словарях обозначают значком «устар.», а в значении случайно оказавшийся где-то, присоединившийся к кому-то, к какой-либо группе. Марианна, конечно, не была Веберам чужой, но она принадлежала к другой ветви семьи и выросла в полудеревенской атмосфере вестфальского Эрлингхаузена. Отец ее сошел с ума, родственники там же, в Эрлингхаузене, готовы были принять ее в свою се-

мью, но скука и духовная ограниченность жизни в маленьком провинциальном городке ее ужасали. Так она оказалась в Берлине. По ее же словам (она пишет здесь о себе в третьем лице): «Когда Марианне был 21 год, шарлоттенбургская семья *сжалилась* (курсив мой. – Л.И.) и пригласила ее на несколько зимних недель» (МВ, 156). Тогда Марианна и стала, несмотря на значительную разницу в возрасте, подругой матери Макса Елены, каковой – возможно, самой близкой подругой – и оставалась до самой смерти Елены в 1919 г. Тогда же и Макс стал предметом ее симпатий. Его нельзя было, как считает Марианна, счесть мужчиной, ищущим женского внимания. «Он не уделяет никакого внимания своей внешности, он корпулентен, его грушеобразная голова со шрамом коротко острижена. Тонко обрисованные губы странно контрастируют с большим некрасивым носом, мрачный взор часто скрывается за пересекающимися бровями. Нет, этот колосс не красив и не моложав, но в каждом своем движении сильный мужчина и, несмотря на его массивность, его движения полны тайного очарования» (Там же. С. 157). Но тогда еще «эрос» ее не затронул, как объясняет сама Марианна. При этом она, конечно, понимает, что в этом доме она все еще не своя и что «может оставаться вблизи него (Макса. – Л.И.) только в том случае, если никто не заподозрит о ее любви» (Там же).

Вроде бы никто и не заподозрил. Впоследствии, когда Пауль Гере сделал предложение Марианне, Елена была очень

довольна. Она покровительствовала и Паулю, и Марианне, радовалась его предложению и тому, что все складывается само собой: близкие ей молодые люди станут мужем и женой.

Но Марианна проявила неожиданную строптивость и отказала Паулю. Меня отдали, меня не спросив, как она потом писала. В ходе разразившегося скандала и многостороннего выяснения отношений выяснилось, что и Макс, хотя и находился целиком под влиянием матери, все же не совсем маленький сынок. Он принял сторону Марианны, более того, он, если можно так выразиться, признал ее выбор, то есть согласился (!) на определенных условиях стать ее мужем. В результате и появилось письмо, в котором, правда, он переживает за Пауля Гере едва ли не больше, чем за себя самого. Продолжаем чтение.

Но мне предстоит сказать и о еще более тяжелом. От моей матери ты знаешь, что я – как я теперь полагаю – был шесть лет тому назад близок чистому сердцу девушки, она кое в чем похожа на тебя, но не во всем. Но тебе неизвестна вся тяжесть ответственности, которую я, тогда еще почти мальчик в отношении к девушкам, взял на себя; я ощутил это поздно и на всю жизнь. Она, я это понял позже, лучше меня чувствовала мое состояние. Долгое время я сомневался, кончено ли все между нами. Чтобы удостовериться, поехал в Штутгарт. Я увиделся с ней, ее образ и голос были прежние, но, видишь ли, как будто рука некоего духа стерла ее образ в глубине моего сердца, передо

мной был не тот образ, который жил во мне, будто из другого мира. Почему? Не знаю. Мы расстались, как я думал, навсегда. И вдруг на Рождество до меня доходит слух, что врачи не могут обнаружить причину ее продолжающейся болезни и приходят к выводу о все еще существующем скрытом чувстве. И я тщетно ищу в себе окончательный ответ на вопрос: возможно ли, что я, желая ей помочь покончить с тем чувством (если оно еще было), пробудил в ней надежду? Теперь приходит известие, что она поправляется и сама в это верит, а меня вдвойне мучает сомнение: что укрепило ее нервы – надежда или отказ? Как бы то ни было, уже от нее я не мог бы принять холодный отказ, покорность; я не должен быть мертв для нее, если хочу жить для другой; поэтому я должен посмотреть ей в глаза и убедиться в том, что ее сердце бьется в унисон с моим, видя, что счастье жизни, которое она бы мне дала, если бы этому не воспрепятствовали предрассудки, неопределенность моего положения в тусклое время пребывания референдарием и моя слабость, я получаю от другой.

Это как раз об Эмми Баумгартен. Нужно сказать несколько слов об Эмми, а также о других Баумгартенах. С Эмми Макс Вебер встретился во время прохождения одногодичной военной службы в Страсбурге, когда посещал по выходным гостеприимный дом Баумгартенов – близких родственников Веберов. Собственно, и Страсбург для прохождения службы был им выбран потому, что там жили Баумгартены.

Мать Эмми Ида Баумгартен – старшая сестра Елены, матери Макса, она замужем за историком Германом Баумгартеном, семинары которого в часы, свободные от службы, посещал Макс. Ида – умная и глубоко религиозная женщина, ее интересуют не теологические тонкости и не религиозно-политические идеи, а морально-этические нормы, практические правила жизни и жизненные ориентиры, которые диктует вера. Она серьезно читает протестантских писателей, в частности Уильяма Ченнинга и Теодора Паркера. Ида очень сильно повлияла на мировоззрение и жизнь Елены, которая в значительной степени вслед за старшей сестрой сделала своими жизненными принципами веру в бога, следование велениям сердца и помощь ближним, хотя вера Елены скорее всего не была столь холодной и ригористичной, как вера Иды. Даже молодой племянник Макс последовал совету Иды и прочел одну из книжек Паркера, что, как он отзывался, впервые пробудило в нем более чем теоретический интерес к религии. Можно сказать, что Ида Баумгартен прямо и через посредство матери Елены заразила Макса Вебера протестантской этикой.

Кого-то из Баумгартенов еще придется упоминать в этой книге. Так, Отто, сын Германа Баумгартена и брат Эмми – протестантский пастор и издатель религиозно-политического журнала – через несколько лет венчал Макса и Марианну в деревенской церкви в Эрлингхаузене. Эдуард Баумгартен, внук старого историка и двоюродный племянник Макса Ве-

бера, стал известным философом и социологом, а также одним из первых биографов своего великого дяди. Его огромный сборник документов, связанных с Максом Вебером, и воспоминаний о нем (ЕВ), вышедший в 1964 г. к столетию рождения великого ученого, надолго стал главным трудом, на котором зиждились оценки роли и значения Вебера в науке и вообще в жизни Германии. В конце концов, он превратился в полуофициального биографа Вебера; с ним перед смертью делилась бесценными материалами Марианна, именно ему передала любовные письма Вебера Эльза Яффе.

Поучительные эпизоды связаны с деятельностью Э. Баумгартена во время нацизма. Успешно проведя несколько семестров в качестве внештатного доцента в Гёттингене, он подал в 1935 г. заявление на прием в национал-социалистический Союз немецких доцентов (университетских преподавателей) и одновременно – на принятие в ряды СА, то есть штурмовых отрядов, военизированных формирований нацистской партии. Однако не все пошло гладко. Кандидатуру Баумгартена потребовал отклонить не кто иной, как Мартин Хайдеггер, ставший к тому времени одним из важных философов нацистского режима. Хайдеггер написал в Союз доцентов:

Д-р Баумгартен как по родственным связям, так и по убеждениям принадлежал к либерально-демократическому кружку гейдельбергских интеллектуалов, собиравшемуся вокруг М. Вебера.

Тогда он, если чем-то и был, то никак не национал-социалистом <...> После того как он провалился у меня (Баумгартен безуспешно пытался стать ассистентом у Хайдеггера во Фрайбурге. – *Л.И.*), он активно взаимодействовал с работавшим тогда в Гёттингене и ныне отставленным евреем Френкелем <...> Полагаю, что сейчас его зачисление в СА невозможно, так же как и предоставление ему звания доцента <...> В области философии, во всяком случае, я считаю его шарлатаном¹ (сноски, пронумерованные в тексте, см. в конце книги в разделе «Примечания» на с. 380).

Защищаясь от навета, Баумгартен, как он сам потом рассказывал, клялся, что он вообще никогда не встречался с «евреем» Эдуардом Френкелем, а Хайдеггер когда сердился, «любого мог назвать евреем». Баумгартену удалось не просто отбиться, но и успешно продолжить карьеру в первую очередь благодаря связям с А. Боймлером, которому сам Розенберг доверил выработку подлинно национал-социалистической германской философии (R, 846)². В 1937 г. Баумгартен стал членом НСДАП, затем профессором и даже получил кафедру Канта в Кенигсберге. В конце 30-х – в первой половине 40-х гг. он довольно много публиковался в нацистской Германии, причем не на отвлеченно философские, а на вполне идеологически актуальные темы – о долге солдата, природе фюрерства и т. д. Наступило время денацификации, и письмо Хайдеггера, не сумевшее сыграть роль в «очерне-

нии» Баумгартена, сыграло свою роль в его «обелении». За него заступились также Марианна Вебер (в чем, конечно, нельзя было усомниться – ведь это был кузен Макса) и весь бывший кружок «гейдельбергских интеллектуалов» – Карл Ясперс и др. А Хайдеггер, наоборот, – и не в последнюю очередь из-за злополучного письма – был изгнан из университетской системы Германии.

Но в экскурсе о семье Баумгартенов мы забежали в совсем другое время. Мы начали разговор об Эмми Баумгартен, дочери Иды. Макс познакомился с ней в Страсбурге во время одногодичной службы. В 1885 г., когда Вебер вновь оказался в Страсбурге уже на унтер-офицерских курсах, молодые люди ощутили живую склонность друг к другу, и мать Ида, «предотвращая опасность», как пишет Марианна, отправила девушку к своему брату в Вальдкирх. «Но Вебер едет вслед за ней, и молодые люди переживают там в поэзии весны несколько дней чудесной близости. Оба они чувствуют взаимность любви, но об этом не сказано ни слова; ни один жест не нарушает целомудренную дистанцию, только при прощании на глаза молодого человека набегает слеза» (МВ, 87–88). Через год Эмми заболевает, ее преследует меланхолия и физическое изнеможение, она внутренне замыкается в себе, переписка сходит на нет, и, хотя ничего не решалось и не говорилось вслух, молодые люди отдаляются друг от друга. Через несколько лет Макс посетил ее уже в санатории, где она «нашла новую родину», по неудачному вы-

ражению Марианны. Макс не может понять, то ли от любви сохнет девушка, то ли от ее отсутствия, и винит во всем себя; «если он не может спасти и осчастливить Эмми, он и сам не имеет права на полное человеческое счастье. К этому прибавляется постепенно вырастающее из темных глубин жизни таинственное чувство, что ему вообще не дано принести счастье женщине» (МВ, 144). Потом вдруг кажется, что Эмми выздоравливает, матери семей начинают интенсивную переписку. Марианна, конечно, многое недоговаривает в своих мемуарах, но все равно видно, как она волнуется, по видимости, за Макса и Эмми, но, по сути, конечно, за саму себя, за собственную судьбу. Наконец, Макс пишет Марианне решающее письмо, разрубая гордиев узел чувств. Продолжаем чтение.

И вот я тебя спрашиваю: отказалась ли ты внутренне от меня в эти дни? Или приняла такое решение? Или ты сделаешь это теперь? Если нет, то уже поздно, тогда мы связаны, и я буду требователен к тебе и не буду щадить тебя. Я говорю тебе: я иду тем путем, которым должен идти и который тебе теперь известен. И тебе придется идти им со мной. Куда он приведет, далек ли он, поведет ли он нас вместе на этой земле, я не знаю. И хотя я теперь знаю, как ты сильна, гордая девушка, ты все-таки можешь не выдержать, ибо если ты идешь со мной, то тебе придется нести не только твою тяжесть, но и мою, а ты не привыкла идти таким путем. Поэтому проверяй нас обоих. Однако

мне кажется, что я знаю, как ты решишь. Высоко вздымаются волны страстей, и вокруг нас темно, пойдем со мной, мой великодушный товарищ, выйдем из тихой гавани резињяции в открытое море, где в борьбе душ вырастают люди и преходящее спадает с них.

Если отвлечься от романтической стилистики, которая сегодня кажется нарочито искусственной и высокопарной, то содержание письма можно подытожить следующим образом: молодой человек предлагает девушке выйти за него замуж при условии, что их брак будет если не радостно, то, во всяком случае, одобрительно воспринят другими потенциальными партнерами каждого из них – девушкой, на любовь которой не сумел ответить он, мужчиной, которому отказала она. Этот примат этического в предложении руки и сердца заставляет предположить, что с молодым человеком что-то не так. С ним, как мы увидим далее, действительно кое-что и даже многое не так. Он пройдет через тяжкую многолетнюю болезнь и любовные потрясения, прежде чем, как мы увидим далее, однозначно определит эотику как сферу *вне-этического* и будет именно этим руководствоваться в своей жизни. Но это будет уже совсем другая эпоха его жизни и другие женщины. Пока же он зовет Марианну:

...Пойдем со мной, мой великодушный товарищ, выйдем из тихой гавани резињяции в открытое море, где в борьбе душ вырастают люди и преходящее спадает с них. Но помни: голова и сердце моряка должны

быть ясны, когда под ним бушуют волны. Нам нельзя допускать какую-либо фантастическую отдачу неясным и мистическим настроениям души. Ибо если чувство захлестывает тебя, ты должна обуздать его, чтобы трезво управлять собой. Если ты идешь со мной, то не отвечай мне. Тогда я при встрече молча пожму тебе руку и не буду опускать глаза перед тобой, и ты также не делай этого. Прощай, тяжелое бремя возлагает жизнь на тебя, ты, непонятое дитя, — я же скажу тебе только одно: благодарю тебя за то богатство, которое ты внесла в мою жизнь; мои мысли с тобой. И еще раз: пойдем со мной, я знаю, ты пойдешь.

Марианна целиком воспроизводит это письмо в своих мемуарах, а далее уже сама пишет о себе в третьем лице: «Когда девушка прочла это письмо, ее потрясло невыразимое, вечное. Она больше ничего не желала. Все ее существование будет впредь благодарственной жертвой за дар этого часа» (МВ, 161). Эти строки она писала почти через тридцать лет после прочтения письма, через пять лет после смерти Макса. И хотя грамматически это все выражено глаголом в будущем времени, на самом деле она сказала также и о прошлом, подытожила последней фразой главное содержание собственной как уже прожитой, так и оставшейся на тот момент (середина 20-х гг.) жизни. Можно, конечно, имея в виду высокопарность стиля, принять последнюю из ее процитированных выше фраз за цветистую виньетку на полях рассказа о происходившем, но мы присмотримся и увидим,

что эта вроде бы высокопарная фраза есть максимально точное выражение подлинного ее отношения к Максусу Веберу. В определенной степени жизнь Марианны стала жертвой, которую она принесла Максусу в знак преклонения и благодарности. Конечно, сама ее жизнь в значительной мере именно благодаря этой жертве обрела ценность и значимость, но жертва оказалась нелегкой.

«Ранней осенью в Эрлингхаузене празднуется большая свадьба», – пишет Марианна (МВ, 170). Это сентябрь 1893 г. В Эрлингхаузене практически еще лето, ласковое теплое солнце, зелень уже не такая свежая, но желтых и красных листьев еще нет, небо голубое с легкой дымкой над далекими холмами. Это маленький городок на краю Тевтобургского леса, где вождь племени херусков Арминий в 9 г. н. э. разгромил легионы римского наместника Квинтилия Вара. (По преданию, император Октавиан Август в отчаянии бился о косяк двери и кричал: «Квинтилий Вар, верни легионы!» Но Квинтилий Вар ничего не мог вернуть, он сам погиб в этой битве.) В городке тогда, в 1893 г., царила обычная патриархальная атмосфера, оживляемая, наверное, только подготовкой к свадьбе, в которой участвовал весь город. Находящийся по соседству крупный город Билефельд был уже одним из центров вестфальского текстильного производства, сначала надомного ремесленного, потом – фабричного. Фамилия «Вебер» означает ткач; Макс Вебер этим гордился и иногда представлялся как «ляйневебер» – это тоже ткач, но

с прибавлением корня «ляйне», означающего холст, полотно. Но все-таки и Эрлингхаузен, и Билефельд в конце XIX в. еще провинция, во всяком случае, духовная провинция: супермодернистского Билефельдского университета еще не существует, и Эрлингхаузен еще не облюбован университетской профессурой для резиденций в полудеревенской патриархальной тиши. Но даже в самые новейшие времена Эрлингхаузен не утратил своего немножко сонного очарования; один из альбомов с его фотографиями так и называется *Oerlinghausen-Dorfstadt*. В этом *Dorfstadt* соединены в одно слово *Dorf* (деревня) и *Stadt* (город). Получается деревенский город или город-деревня. Это и есть Эрлингхаузен.

Мне, то есть автору этой книги, довольно легко представить себе, что происходило в Эрлингхаузене в 1893 г.; тридцать с лишним лет назад мне довелось некоторое время поработать в Билефельдском университете, занимаясь такой сравнительно экзотической вещью, как социальная феноменология. Я не раз бывал в Эрлингхаузене в гостях у одного из билефельдских профессоров и даже организовал вместе с ним в местном ресторанчике – кажется, это был «Охотничий домик» на Хауптштрассе – маленький частный коллоквиум с участием полутора десятков коллег. Вполне вероятно, что этот ресторанчик был задействован для угощения гостей на свадьбе Макса и Марианны. Наш же коллоквиум назывался «Реальности „Мастера и Маргариты“». Было закуплено соответствующее количество экземпляров романа в немецком

переводе. Все по очереди высказывались, соединяя ученость с удовольствием. Мне тогда даже в голову не приходило, что в Эрлингхаузене мне стоило бы думать не о Булгакове, а о Максе Вебере, так как через много лет я буду заниматься переводами Макса Вебера на русский язык, а потом сочинять эту книгу. Мы с этим коллегой ходили вокруг того самого дома в стиле ампира, где на фасаде надпись SAWECO, а в саду бронзовые бюсты Макса и Марианны. Коллега, профессор, но при этом веселый человек, сказал, что вот тут вот Марианна гуляла по садику, а он (то есть Макс) выходил из этой вот двери и звал ее: «Ау! Мари-а-а-анхен!» Этот коллега – настоящий, а не выдуманный мной персонаж, имя его можно найти в примечаниях под номерами 8, 12 и 14.

Меньше чем через год Вебер получил (благодаря или вопреки интригам Альтхофа) приглашение занять профессуру во Фрайбурге, куда молодая семья и переехала через несколько месяцев.

Появление Эльзы

Во Фрайбурге произошло знакомство с женщиной, которая определит значительную часть жизни самого Вебера и едва ли не главную часть содержания этой книги. Это Эльза фон Рихтхофен, впоследствии в браке Эльза Яффе. Сначала с ней познакомился не Макс, сначала его молодая жена нашла себе новую подругу. Подругу звали Эльза. Полное ее имя – Элизабет Фрида Амели Софи фрайин фон Рихтхофен. (Здесь требуется некоторое разъяснение: «фрайин» – одна из форм феминитива от «фрайхерр» – буквально свободный господин – дворянского титула в Германии. Жена «фрайхерра» – «фрайфрау», незамужняя дочь – «фрайин». В повседневном общении было принято обращение «барон», «баронесса». Так что Эльза была баронесса фон Рихтхофен, но только до 1919 г., когда дворянские титулы были отменены революцией.) Еще обучаясь в пансионате, Эльза подружилась с Фридой Шлофер, племянницей известного философа Алоиза Рия, который позже во Фрайбурге стал коллегой и хорошим знакомым Вебера. Начав посещать занятия в университете Фрайбурга, Эльза через Фриду, которая также оказалась студенткой во Фрайбурге, сблизилась с Марианной и естественным образом «прибилась» к семье молодого профессора. Забегая вперед, сообщу, что впоследствии, уже через много лет Фрида Шлофер стала женой и матерью де-

тей знаменитого в ту пору психоаналитика и революционера Отто Гросса, а ее подруга Эльза, о которой я сейчас рассказываю, – возлюбленной того же Гросса и матерью его ребенка. Это не разрушило, а только укрепило дружбу двух женщин. Но связанные с этим драматические события еще далеко впереди, а пока красавица Эльза – ученица молодого профессора Вебера и любимая подруга его жены, которая, кстати, тоже фрайбургская студентка и так же, как Эльза, специализируется по его же кафедре.

Когда в 1897 г. Вебер был приглашен в Гейдельбергский университет, Эльза последовала за ним и Марианной. После двух семестров в Гейдельберге она продолжила образование в Берлине, где жила в доме своего дяди, занимавшего высокий пост в министерстве иностранных дел. Ну и была радушно принята в доме вдовы Макса Вебера-старшего «Вилла Елена», где, в частности, познакомилась с младшим братом фрайбургского «молодого профессора», впоследствии так же, как и старший брат, знаменитым социологом Альфредом Вебером. Студентка Эльза фон Рихтхофен именно под руководством только что защитившего первую, докторскую диссертацию Альфреда Вебера участвовала по линии Союза социальной политики в подготовке большого труда о развитии домашних производств, где был опубликован ее первый научный материал. По некоторым свидетельствам, уже тогда Эльза выделяла Альфреда Вебера из числа молодых мужчин, проживающих в доме «Вилла Елена», а именно

братьев Альфреда: старшего Макса и младшего – красивого и легкомысленного молодого архитектора Карла, погибшего на войне в 1915 г. В отличие от Макса Альфред тоже считался красавцем, хотя обоим было не занимать мужественности и привлекательности.

В составлении того же труда о домашних производствах участвовал еще один студент – товарищ Эльзы по университету Эдгар Яффе, происходящий из богатой еврейской купеческой фамилии, владевшей фирмой с ответвлениями в Гамбурге, Лондоне и Амстердаме, занимавшейся экспортом-импортом и недвижимостью по всей Европе. Эдгар Яффе, начав по семейной традиции предпринимателем, решил сменить поприще и заняться наукой. В университет он поступил из чистого интереса к науке, зарабатывать на жизнь ему не приходилось – на паях с братом он владел агентством по продаже недвижимости на Курфюрстендамм – в одном из самых богатых центральных районов Берлина, ну а в дальнейшем его ждала наследственная доля в большой торговой компании или даже лучше сказать в торговой империи. Хотя доля Эдгара в маклерской фирме была меньше, чем доля более опытного старшего брата, ему вполне хватало на жизнь. Во всяком случае, когда Эдгар впоследствии стал мужем Эльзы Яффе и молодая пара не имела достойного жилья, он начал строить по проекту звездного архитектора Эвальда Бехера монументальную виллу в Груневальде – берлинском квартале миллионеров. Дом был готов в 1903–1904 гг., но Эдгар

и Эльза в нем не поселились, так как уехали из Берлина в Гейдельберг³. Эдгар Яффе большим ученым не стал, но его роль в развитии социологии вошла в анналы дисциплины. В 1904 г. он купил журнал «Архив социальной науки и социальной политики» и возглавил его как соиздатель, пригласив в качестве таковых же самых известных на тот период специалистов в общественных науках – Макса Вебера и Вернера Зомбарта. Как мы увидим далее, этот журнал сыграл огромную роль в научной биографии героя этой книги. Именно «Архив», где долгое время публиковались все основные работы Вебера, сделал его одной из центральных фигур в тогдашней германской науке об обществе.

Но вернемся к Эдгару Яффе в Берлин, где он учится в университете. Неудивительно, что его, как, наверное, и многих сокурсников, очень интересовала подруга по студенческой скамье Эльза фон Рихтхофен. Тем более что, как представляет себе Д. Кеслер, «маленькому миниатюрному мужчине молодая женщина, соединившая в себе красоту, острый ум да еще и аристократическое происхождение, казалась особенно привлекательной» (DK, 450). Эльза тоже была «миниатюрная», на что впоследствии обращал внимание и Макс Вебер (с. 306). Эдгар сделал Эльзе предложение руки и сердца... и получил отказ, что, однако, не отвратило его от цели. Через четыре года Эльза согласилась стать женой Эдгара. За это время она успела успешно защитить политологическую, как сказали бы сегодня, диссертацию под руко-

водством профессора Макса Вебера на тему «Об исторических изменениях позиций авторитарных партий в отношении законодательства о защите рабочих и мотивах этих изменений» с высшей оценкой *summa cum laude*. Да и могла бы разве получить иную оценку любимая ученица профессора Вебера и близкая подруга его жены! Хотя Марианна как-то через много лет не очень хорошо отзывалась о диссертации Эльзы, но это был, очевидно, один из таких моментов, когда ее любовь к Эльзе ослабевала и на ее место приходила ревность. Вскоре после диплома также при поддержке Вебера Эльза заняла место фабричного инспектора в администрации Великого герцогства Баден, став *первой* в Германии женщиной, получившей важную административную должность, и вообще первой женщиной в Германии, ставшей государственной служащей. О своей работе она докладывала в декабре 1900 г. на конференции «Общества за социальные реформы» в Дрездене. Доклад стал сенсацией, но не столько по причине содержания, сколько из-за личности референта, и опять же не столько потому, что она была «первая женщина...» и т. д., сколько потому, что она была не синим чулком, а благородной дамой в расцвете красоты и женственности, что для раннего феминизма, формировавшегося именно в русле борьбы женщин за доступ к образованию и мужским профессиям, отнюдь не было характерно. Эльза оказалась слишком красива и благородна (в силу своего происхождения и воспитания) для этой работы. Здесь нужен был

кто-то немного проще, может быть, старше и грубее. Она писала Марианне: «Вот здесь я, а там 60 000 работниц, рассеянных по всей стране, и что теперь? <...> Это ужасно глупо вот так ходить по цехам» (DK, 453). Конечно, на этажах администрации ее встречали иначе, и она чувствовала себя увереннее, причем по тем же самым причинам, по каким чувствовала себя отчужденной в цехах. Она скоро разочаровалась в этой работе, ее административная деятельность длилась недолго; как она сама писала в одном из писем, «внутри себя я давно разочарована; мне нужно быть только женой своего мужа, а еще, кажется, лучше всего родить как можно больше детей; вот это как раз и есть деятельность» (Там же). Правда, в качестве мужа она видела тогда еще не Эдгара Яфффе, а своего возлюбленного, молодого врача-окулиста из Гейдельберга, который просил ее подождать с замужеством, пока он не встанет на ноги. Возможно, предполагаемое ожидание показалось Эльзе слишком долгим, и они расстались. В конце концов, она все-таки вышла замуж за Эдгара; теперь она была фрау доктор Яфффе и, согласно задуманному, родила ему троих детей. Четвертым же ее ребенком (четвертым по счету, а по очередности – третьим) стал сын от Отто Гросса Петер, крестным отцом которого оказался профессор Вебер.

Я остановился так подробно на истории Эльзы и Эдгара потому, что им обоим, а прежде всего, конечно, Эльзе предстояло сыграть важную роль на дальнейших этапах жизни

Макса Вебера. Но не только Эльзе. Как было сказано в самом начале главы, почти все коллеги, родственники и друзья молодого профессора, которые упоминаются в этой главе, оказались его попутчиками и попутчицами на протяжении всей его жизни. Некоторые постоянными, как Марианна, Елена, Эльза, Альфред, а некоторые с перерывами, проходя по его жизни, так сказать, пунктиром, такие как Эдгар Яффе, Отто Гросс, сестра Эльзы Фрида и другая Фрида – Фрида Шлофер, ставшая потом Фридой Гросс.

Поиски будущего

Итак, летом 1893 г. Марианна Шнитгер стала Марианной Вебер. Вскоре после венчания и пышной свадьбы в Эрлинг-хаузене молодые отправились во Фрайбург; именно там Марианна, активно образовывавшая себя в университете, познакомилась с Эльзой. Сам Макс успешно интегрировался в университетскую и околоуниверситетскую среду, установил дружеские отношения с философом Генрихом Риккертом и другими фрайбургскими профессорами (я назвал уже Алоиза Рилля, дядю Фриды Шлофер), активно сотрудничал с политическими и экономическими организациями в национальном масштабе. И конечно, работал. Однако публикаций у него за фрайбургский и дофрайбургский периоды оказалось не так уж много. Это прежде всего две опубликованные диссертационные работы «К истории торговых обществ в Средневековье» и «Аграрная история Рима и ее значение для публичного и частного права». Обе диссертации Макса Вебера обсуждались и защищались с огромным успехом. Один из коллег оставил описание защиты второй, так называемой хабилитационной работы. После того как была завершена первая стадия защиты, всем присутствующим было предложено, если они пожелают, оппонировать диссертанту. «Из круга слушателей поднялся старый господин, худой, как паук, с очень красивыми седыми, гладкими волосами и вы-

разительным профилем; это был Теодор Моммзен <...> Он высказался по второму тезису: докторант, говоря о *colonia* и *municipium*, предложил определения, которые показались ему, занимавшемуся этим всю жизнь, удивительными, и по поводу них он попросил дать дальнейшие разъяснения. Началась дискуссия между Моммзеном и молодым Вебером. Моммзен в завершение сказал, что он еще не вполне убежден в правильности веберовского тезиса, но не хочет препятствовать продвижению докторанта и поэтому не будет настаивать на своем возражении. У молодого поколения часто появляются новые идеи, которые предшествующее поколение не может сразу принять, возможно, что так дело обстоит и в данном случае. „Но когда мне придется лечь в могилу, то я никому не сказал бы более охотно: „Сын, вот мой меч, для меня он становится слишком тяжелым“, – чем глубоко уважаемому мною Максус Веберу“. С этими словами открытый диспут <...> был закрыт» (МВ, 104–105). Надо только заметить, что обе диссертации были подготовлены и защищены еще в дофрайбургский период. То же относится к большой статье «Аграрные отношения в древности» в «Словаре наук о государстве». Эту и без того большую статью Вебер совершенствовал и дополнял для каждого нового издания словаря, так что в результате к третьему изданию она была увеличена в несколько раз (!), достигла объема немалой монографии и как монография переиздавалась и переводилась на иностранные языки впоследствии⁴. Все эти три работы (обе

диссертации и словарная статья) относились к одному проблемному комплексу и представляли собой исследование характерных для капитализма хозяйственных форм в древности, то есть в докапиталистический период истории. По методу это было своеобразное, характерное исключительно для Вебера сочетание правового, экономического и социологического подходов. В целом оно может рассматриваться как начальный этап всего, если можно так выразиться, жизненного научного проекта Макса Вебера под общим названием «Хозяйство и общество».

Особняком в этом смысле стояло разрабатываемое Вебером по заказу Союза социальной политики социально-экономическое исследование положения сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии. Это было прикладное исследование, причем прикладное в двух смыслах. С одной стороны, оно имело своей целью сбор материалов для планируемого прусским парламентом закона о поощрении немецких поселений в Восточной Пруссии и регионе Позен (в 1919 г. по Версальскому договору Позен был передан Польше и стал польским городом Познань). Закон был вызван растущей полонизацией или, как ее именовали, внутренней колонизацией региона, причем она происходила, так сказать, на уровне работников при сохранении в целом традиционного юнкерского землевладения. С другой стороны, оно было «прикладным» в том смысле, что молодой доцент Макс Вебер преследовал здесь не только научные или политические, но и сугу-

бо личные цели. Для него было важно выйти из финансовой зависимости от отца и наработать собственные механизмы обеспечения семьи. Надо при этом заметить, что именно Вебер-старший был председателем комиссии палаты депутатов по выработке названного закона, и легко предположить, как это и делает Кеслер (DK, 346), что назначение руководителем исследования молодого доцента, до той поры никак себя на этой ниве не проявлявшего, не обошлось без некоторой поддержки отца.

И наконец, брошюра под названием «Биржа». Как пишет Кеслер, серьезно изучивший начальный период творчества Вебера, причина его обращения к биржевой проблематике столь же неочевидна, как и его интерес к польским батракам в Восточной Пруссии, ведь до этого времени, то есть до 1894 г., Вебер не написал ни строчки на эту тему, вообще не проявлял к ней ни малейшего интереса. Но и здесь должны были быть причины «прикладного» характера. Марианна, которой причины, конечно, известны, ограничивается безличным суждением типа «рассвело» или «оно настало»; она пишет: «Надвигается нечто новое: специальное изучение биржи. Вебер и в этой области становится компетентным» (MB, 175). В действительности планируются новые законы, создана депутатская комиссия. Вебер включен в совет экспертов, своего рода временный Биржевой комитет, он публикует несколько статей, а также пишет популярную брошюру для рабочих о бирже «Руководство к понима-

нию биржи и банка ценой в 10 пфеннигов». Главная идея заключается в том, что даже чисто спекулятивная торговля служит не только частному капиталу, но и обществу, ибо выполняет важные и полезные функции выравнивания цен и распределения доходов. Марианна цитирует его письмо от 20 ноября 1906 г. с впечатлениями от заседания комитета, где собрались политические и капиталистические магнаты, конкурирующие за овладение Германией, – представители крупной промышленности и банковского капитала и крупнейшие землевладельцы: «Мы заседаем в помещении бундесрата, люди с биржи оккупировали весь главный стол <... > Несколько оживленных столкновений с этими господами уже произошло. Я также уже сцепился с этими отчаянными парнями, но тон до сих пор настолько вежлив, что бояться взаимного уничтожения не следует. Однако очевидно, что до сих пор я пользуюсь расположением миллионеров, по крайней мере, тайный коммерческий советник Х так настойчиво жмет мне руку, что я удивляюсь, не найдя чек в несколько 100 000 марок под моей папкой» (МВ, 177). Судя по описываемой ситуации, можно предположить, что последняя фраза вовсе не шутка или же шутка только частично. Во всяком случае, Вебер связывал с этим направлением деятельности определенные политические и финансовые перспективы, как личные, так и семейные, может быть, даже семейные в первую очередь. Кеслер пишет, что Макс Вебер-старший, управлявший наследственным состоянием Елены (сво-

ей жены и матери Макса), составлявшим почти полмиллиона марок, вложил его в акции железных дорог, как немецких, так и американских; политическая и экономическая аналитика от молодого профессора национал-экономии, имеющего возможность получения доверительной информации, в этой ситуации, конечно, не была бы лишней.

Конечная цель всех этих биржевых занятий Вебера состояла очевидно, в том, чтобы войти в постоянный Биржевой комитет, что открывало бы очень хорошие политические перспективы. Однако при голосовании его кандидатура была отклонена. На первый взгляд может показаться, что это не очень существенный факт, ибо он не влиял на становление его собственно научного авторитета, но надо учитывать, с каким рвением Вебер стремился в практическую политику и как разочаровывающе действовали на него эта и некоторые другие неудачи, о которых еще пойдет речь. Вообще интересно, почему попытки Вебера реализовать свои политические амбиции *постоянно* оказывались неудачными. Его компетентность никогда не ставилась под сомнение, его способности оратора и публициста, что весьма важно для политика, всегда отмечались на общем фоне, в политических дискуссиях он везде и всегда был на виду и становился или, по крайней мере, выглядел победителем, но когда начиналось распределение, так сказать, трофеев политической победы – мест и постов в выборных органах, в руководстве партий и организаций, – Вебер оказывался либо забаллотированным,

как здесь, в Биржевом комитете, либо получал второстепенные и бесперспективные роли. Несколько раз он проваливался на выборах в региональные парламенты. В 1919 г. он сыграл очень большую и важную роль идеолога и пропагандиста в становлении Немецкой демократической партии и в ее кампании на выборах в общегерманский парламент и в результате не получил места в партийном списке (с. 337). А ведь даже супруга Марианна, уступавшая ему по многим политически релевантным характеристикам, постепенно собрала в свои руки общее руководство всеми до того разрозненными женскими союзами и организациями Германии и, кроме того, была избрана в баденский парламент.

Пока же речь идет только о неудаче при выборах Биржевого комитета. Но впечатление от неудачи 1896 г. быстро исчезло на фоне поступившего предложения возглавить кафедру национальной экономики в Гейдельбергском университете. Если подытожить, с каким багажом уезжает Вебер из Фрайбурга, то результат оказывается в некотором роде двусмысленным. С одной стороны, конечно, можно согласиться с критически мыслящим Дирком Кеслером, который считает, что даже если добавить к большим работам целый ряд рецензий в научных журналах, опубликованные материалы по исследованию польских сельхозработников, статьи по текущим религиозно-политическим проблемам, количество и качество публикаций будет, конечно, весьма приличным, но не исключительным. Если бы, пишет он, такое же количе-

ство и качество материалов сохранялось бы стабильно на всем протяжении его жизни, то после смерти и поныне Макс Вебер не занимал бы того выдающегося места в коллективной памяти профессии, которое он занимает фактически. С этим, очевидно, следует согласиться. Но в то же время нельзя не признать, что это был великолепный старт. Если в 30 лет Вебер стал полным (ординарным) профессором во Фрайбурге, то в 33 года он был приглашен в Гейдельбергский университет. Если Гейдельберг был тогда Меккой немецкой общественной и гуманитарной науки, то университет был ее Каабой.

Глава 2. Гейдельберг и «отцеубийство»

*Переезд в Гейдельберг – Ссора с отцом – Битва с Руге и
Кохом – «Отцеубийство» – Две матери Макса-младшего*

Переезд в Гейдельберг

В ЯНВАРЕ 1897 г. Макс Вебер принял предложение, а уже в апреле последовал переезд. Начало семестра было ознаменовано шестичасовой (!) лекцией нового профессора на тему «Общая теоретическая национал-экономия». Сначала чета Вебер поселилась в многоквартирном доме на Хауптштрассе – Главной улице. Потом в течение нескольких лет было сменено несколько мест проживания, пока, наконец, Макс и Марианна не обосновались в большом доме по Цигельхойзер Ландштрассе, 17 на берегу Некара, принадлежавшем когда-то деду и бабушке Вебера из семейства Фалленштайн, где была снята просторная квартира, занимавшая весь бельэтаж. На следующем этаже размещалась семья близкого друга Вебера, также гейдельбергского профессора, знаменитого историка и теолога Эрнста Трельча. Сейчас дом принадлежит Гейдельбергскому университету, именуется «Дом Макса Вебера» и в нем размещается университетский Международный учебный центр. Правда, и Гейдельберг как таковой часто, причем иногда даже при официальных событиях, называют городом Макса Вебера.

Водворение Вебера в Гейдельберге было поистине триумфальным. Можно даже сказать, это было «возвращение в Гейдельберг», заслуживающее торжественной кантаты в стиле барокко. В том же апреле ему исполнилось 33 года, он

все еще оставался молодым профессором, и многие в Гейдельберге помнили начало его учебы. Но он уже встал в один ряд со своими учителями: от одного из них – знаменитого экономиста Карла Книса – он наследовал принадлежавшую ему кафедру, другим стал равным если не по престижу, то по званию, например философу Куно Фишеру и другим знаменитостям, принадлежавшим к так называемому поколению тайных советников. Многое он сразу начал менять в русле новейших течений, в частности стал уделять внимание теме прав женщин и студенткам-женщинам, которые именно в это время появлялись в немецких университетах. Об этом радостно сообщает Марианна: «Постепенно в аудитории университета проникают первые студентки <...> Женщин нового типа жестоко преследуют стрелами насмешек, и они медленно добиваются терпения и признания. К молодым девушкам, которые благодаря своей привлекательности быстрее обретают признание и одобрение, принадлежит первая ученица Вебера Эльза фон Рихтхофен, которая вместе с Марианной сидит на его лекциях. Она хочет, невзирая на свою молодость и нежность, стать инспектором на фабрике; это одна из программных профессий, к которым стремятся женщины, убежденные, что в качестве адвокатов женщин-работниц они выполняют необходимую социальную миссию <...> и Вебер принимает большое участие в развитии своей ученицы» (МВ, 203–204).

Мы сейчас знаем, что уже тогда или чуть позже (это не

имеет решающего значения) Эльза стала скептически относиться к «социальной функции» женщины и считала лучшей «функцией» быть «женой своего мужа» и производить на свет детей, как следует из письма, цитированного несколькими страницами выше. Марианна, когда писала книгу о своем муже – это было в начале двадцатых, книга вышла в 1926 г., – конечно же прекрасно об этом знала. Она могла не читать это письмо, но она знала прошлое, как оно протекало фактически, так сказать, в реальном времени, хотя воспроизводила его во времени литературном. Но тем не менее создала увлекательное сочинение, рисуящее образ Макса Вебера как настоящего классика, достойного находиться в пантеоне богов и героев. Большинство острых моментов в жизни с Максом ей удалось обойти, причем не снижая литературной увлекательности и интеллектуальной наполненности повествования. Но это мы увидим далее.

В реальном времени Марианна отнеслась к скорому уходу Эльзы с ее административного поста критически. Это было воспринято как дезертирство и Марианной, и ее соратницами по борьбе за права женщин. Им действительно было нелегко принять разочарование Эльзы, ведь она была не просто одной из многих, а *первой* женщиной, прошедшей тот путь, которым должны были идти ее последовательницы. Она была, так сказать, первопроходцем и в определенном смысле знаменосцем женского движения, который покинул его ряды. Но после некоторого периода охлаждения

отношения с Марианной восстановились, как и отношения с Максом, который тоже не одобрил дезертирства любимой ученицы. Эльза и Марианна остались близкими подругами, хотя уже и не сотрудницами. Эльза ушла не только с государственной службы, но и с должности одного из секретарей Союза женских объединений, председателем которого вскоре стала Марианна. Тем более что со временем укрепились связи Макса с мужем Эльзы Эдгаром Яффе, пригласившим его в соредаторы купленного им журнала.

Жизнь Вебера в Гейдельберге была удивительно наполненной: написание научных трудов, работа в библиотеке, участие в политических и научных союзах и объединениях, лекции и семинары со студентами, работа с издателями, газетные статьи, лекции научного и политического содержания в других городах и университетах. Марианна рассказывает, что иногда он после лекции едет во Франкфурт, там выступает, ночью возвращается домой, а утром до восхода солнца уже сидит за письменным столом и готовит материал на текущий день. В ответ на уговоры жены не переутомляться он отвечает: «Если я не буду работать до часу ночи, я не смогу быть профессором». Еще во Фрайбурге он говорил, что часто чувствует себя «загнанной дичью», в Гейдельберге давление обязанностей и обязательств не ослабевало.

Ссора с отцом

Примерно через полгода после переезда в Гейдельберг (14 июня 1897 г.) в гости к сыну и невестке приехали мать Макса Елена и отец Макс Вебер-старший. Елена раньше приезжала к молодым из Берлина во Фрайбург, а теперь она приехала в Гейдельберг – город ее детства и юности. Проблем в связи с этим никогда не возникало. Но на этот раз ситуация осложнилась – вместе с ней приехал отец, что стало причиной разразившегося скандала, точнее, основанием для выхода наружу и скандального разрешения ранее замалчиваемых конфликтов и проблем. Коротко говоря, сын поссорился с отцом из-за отношения отца к матери. Сын судит отца, отец упрямо стоит на своем, в конце концов, сын выставляет отца за дверь. Так коротко описала ход конфликта Марианна. Конечно, это не трагедия шекспировского масштаба, когда несчастный отец, как король Лир, выброшен на улицу в грозу и бурю. Нет, все на первый взгляд закончилось мирно: отец вернулся в гостиницу, а наутро уехал в Берлин. Семейные скандалы, в том числе между поколениями, когда старшие не понимают младших, а те считают старших мракобесами или людьми, отставшими от жизни, – банальная вещь. Но этот скандал вдруг приобрел особый смысл из-за того, что менее чем через месяц отец внезапно умер в Риге в гостях у одного из своих друзей и не ясно, по какой причине – то ли от сер-

дечного приступа, то ли от желудочного кровотечения, разные авторы дают разные сведения. При этом прощения ни с одной из сторон конфликта не последовало, примирения не произошло. Ссора оказалась судьбоносной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.